

ТРАДИЦИЯ И ТРАНСГРЕССИЯ АСТРАХАНСКИХ МОЛОКАН, XIX ВЕК

Канатьева Н. С.

DOI: 10.24411/2500-0225-2018-10020

Канатьева Наталья Сергеевна, Астраханский государственный университет,
414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: nesy71@mail.ru

Религиозная жизнь на фронтире всегда будет девиантной. Оказавшись в условиях фронтальной, пограничной и приграничной местности, переселенцы, беглецы или пионеры (в первом значении этого слова) сталкивались с новыми вызовами враждебной, как правило, природы и противостояния с аборигенным населением. Вначале приходят миссионеры, затем богоискатели и богоборцы, потом появляются секты. Всё это – новый уровень поиска Абсолютной Божественной истины, который почти всегда сопряжён с отходом от официальной религии или её искажением. Астраханская губерния XIX века – один из многочисленных российских фронтиров. Как многократно писали православные миссионеры епархии, Астраханский край был прибежищем для раскольников и сектантов, которые пополняли астраханское казачество, нанимались на ватаги ловцов на низовых промыслах и соледобытчиков на соляных, но чаще всего основывали новые поселения. Самой многочисленной сектой губернии к XIX веку стали молокане, которые переселялись на низовья Волги с благословения основателя секты Семёна Уклеина. В статье делается попытка проследить изменения в учении молокан, живших в Астраханской губернии в XIX век, определить, как традиция их учения становится трансгрессией.

Ключевые слова: Фронт, традиция и трансгрессия, сектантство, молокане, хлысты, духоводы, секты текста и секты духа, миссионеры.

В своей монографии «Традиция, трансгрессия, компромисс» Лора Олсон и Светлана Адоньева (2016), обозначают традицию как любой культурный продукт, переданный в настоящее из прошлого (стр. 16). Но каким образом происходит процесс передачи в том смысле, что остаётся ли передаваемый культурный продукт в неизменном виде, в котором он был унаследован? Не логично ли будет предположить, что традиция более чем вероятно будет видоизменяться, приспосабливаться к новым временам и, тем более, новым условиям?

Оказавшись в условиях фронтальной, пограничной и приграничной местности, переселенцы, беглецы или пионеры (в первом значении этого слова) сталкивались с новыми вызовами враждебной, как правило, природы и противостояния с аборигенным населением. Столкновение с Другим/Чужим меняет мировоззрение,

каким бы стойким и сформировавшимся оно не было. Изменяется всё – и меняется Завет, заключённый с Богом, во многом из-за того, что старая религиозная доктрина не выдерживает этих перемен. Религиозная жизнь на фронтире всегда будет девиантной. Вначале приходят миссионеры, затем богоискатели и богоборцы, потом появляются секты. Всё это – новый уровень поиска Абсолютной Божественной истины, который почти всегда сопряжён с отходом от официальной религии или её искажением. Там, где кончается старая цивилизация, появляется новое кредо. Это и мормоны в американском штате Юта, невообразимое смешение французского католицизма и гаитянского водуна в Новом Орлеане, причудливое сочетание анимизма и православия в Сибири – всё это иллюстрирует наш тезис.

Астраханская губерния XIX века – один из многочисленных российских фронтиров. Край давно отвоёван у воинственных кочевников, выстроен белокаменный кремль, самое мощное южное фортификационное сооружение, двести лет как существует православная епархия. Но ощущение свободы, оторванности от метрополии не исчезло. Народное название Астрахани – Разгуляй-городок, а поговорки говорят нам, что, коль захочешь в Камыши, (город Камышин, ныне Саратовская область – НК), и пачпОрта не пиши, а захочешь в Разгуляй – и билет не выправляй. Как многократно писали православные миссионеры епархии, Астраханский край был прибежищем для раскольников и сектантов, которые пополняли астраханское казачество, нанимались на ватаги ловцов на низовых промыслах и соледобытчиков на соляных, но чаще всего основывали новые поселения (Рязанский, 1892, стр. 154). Такими были молокане, одна из так называемых «старых» русских сект.

Традиционно было принято относить молокан к так называемому «стихийному» русскому протестантизму, или, как несколько покровительственно заявлял Костомаров (1869), молоканство есть следствие «развития в русском народе рациональных умствований» (стр. 59-61). То есть, следуя делению русских сект на мистические и рационалистические, молоканство следовало бы отнести ко второму виду. Однако, учитывая масштабы распространения и разновидности молоканства, более правильным было бы, на наш взгляд, считать молокан конфессиональной группой.

Первое появление молокан, так же, как и духоборчества, определяется в конце XVII в. Существует особая внутренняя связь между этими видами сектантства; кроме того, Н.М. Никольский (1983) видит некое родство между молоканами и духоборами, с одной стороны, и английскими левеллерами и копателями, с другой, того же XVII в (стр.300). Он отмечает при этом, что и духоборчество, и

молоканство принципиально отличаются от хлыстовщины, в силу активной жизненной позиции первых, которая и привела к достаточно быстрому распространению и успеху проповеди молоканства и духоборчества, выходящим за пределы крестьянской среды (эта особенность была присуща и астраханскому молоканству, в том числе).

Вероятно, здесь стоит напомнить, что и хлыстовщина имела широкое распространение в дворянской, монастырской и богемной среде, несмотря на «пассивный», по мнению Никольского, характер.

Истоки духоборчества основываются на хлыстовской эсхатологии XVIII в. Некий Силуан Колесников, проживавший в селе Никольском Екатеринославского уезда и принадлежавший к общине «людей Божиих», т.е. хлыстов, в 50-х годах XVIII в. отделился от общины и создал новую секту. Новым и принципиально важным в ней была отмена «радений» - экстатического обряда, являвшегося сущностью хлыстовства, как обряда единения и слияния со Святым Духом.

При этом сами духоборы (или духоборцы, приемлемы оба названия – НК) не считают Колесникова основателем своей секты, а лишь предтечей её. Подлинным основоположником секты ими признаётся Илларион Побирохин, тамбовский однодворец и довольно крупный купец и скупщик шерсти.

Побирохин, как и все основатели различных сектантских сообществ, был крайне незаурядным человеком. Неотъемлемой частью деятельности любого купца являются постоянные разъезды, поэтому Побирохин мог приобретать своих будущих последователей в самых разных местах, сословиях и слоях населения, а личное обаяние, несомненная харизма и глубокая убежденность в правоте своей веры позволяли ему организовывать «тело Христово», т.е. новые общины. К 80-м годам XVIII он был настолько успешен в этом, что объявил себя Христом и назначил 12 апостолов из числа своих приближенных, которые вместе с ним составили совет, управлявший всеми общинами духоборцев, сравнительно многочисленными к тому времени.

Помимо духоборцев, Побирохин был известен и популярен и в хлыстовской среде. Хлысты даже признавали его за Мессию, ожидаемого к концу света.

Окончательно уверившийся в собственном воплощении Побирохин закончил, как и многие русские несостоявшиеся пророки, Сибирью – его торжественный вход в Тамбов во главе своих апостолов, (он собирался осуществлять Страшный Суд над Вселенной, начав со своей родины - Тамбова) как и следовало ожидать, закончился арестом и ссылкой.

Следующим «христом» духоборов стал некто Савелий Капустин, отставной капрал, появившийся в Тамбовской губернии около 1790 г. Происхождение его неизвестно, но его начитанность, великолепное знание Библии и умение вести религиозные диспуты позволяют предположить, как минимум, духовное сословие. Учение Капустина принципиально отличалось от проповеди Побирохина – побирохинское ожидание конца света отошло на второй план, напротив, Капустин считал необходимым разработку положений, позволяющих жить в этом мире людям, познавшим истинное учение – учение, соединившее в себе, по выражению Никольского (1983), «тамбовское хлыстовство с элементами, заимствованными из доктрины екатеринославских духоборцев» (стр. 302).

Одновременно и там же, в Тамбовской губернии, возникла секта молокан. Её основателем был никто иной, как зять Побирохина, Сёмен Уклеин. Расхождение его с тестем, так же, как и у Капустина, основывалось на вопросе о Страшном Суде. Вообще влияние Капустина на Уклеина было, на наш взгляд, более значительным, чем Побирохина. Но есть и другое мнение, приведённое, например, у Брокгауза и Ефрона, что Уклеин образовал свою новую секту, познакомившись с учением Дмитрия Евдокимовича Тверитинова, «московского еретика начала XVIII века» (Малый энциклопедический словарь..., 1997, столбец 1693).

Тверитинов – удивительная фигура, богоискатель и фанатик, подобные люди всегда появляются в особые периоды истории. По мнению Елены Смилянской (1982), «рост антицерковного «вольномыслия» совпадал в XVIII в. вначале с петровскими преобразованиями, а затем с заявлениями о толерантности Екатерины II, повлиявшими на всю общественную жизнь страны и породившими впечатление об ослаблении контроля церкви за умонастроениями российских подданных» (стр. 34-52). Дмитрий Тверитинов, хотя и родился в Твери (отсюда – Тверитинов, настоящая его фамилия Дерюжкин или Дерюшкин – НК), обучался в Немецкой слободе в Москве, в окружении протестантов. Среди протестантов он оказался и в Азовском походе. Когда в Москве появился кружок вольнодумцев, Тверитинов стал его активным членом и, совместно с единомышленниками, участвовал в диспутах по различным философско-теологическим вопросам с преподавателями Греко-латинской академии.

Никольский (1983) считал, что молоканство, так же, как и духоборчество, изначально было разновидностью хлыстовщины, как со стороны социальной базы, т.е. неопитов, вступающих в новую секту, так и организационно – небольшие «корабли» под

руководством «христа». Нельзя не вспомнить здесь, что хлыстовщина породила ещё одну, мягко говоря, неоднозначную секту – скопцов. Но, в отличие от скопчества, молоканство и духоборчество отличалось от хлыстовщины, в первую очередь, отказом от экстатических практик – основной составляющей хлыстовских «кораблей».

Несмотря на довольно значительные различия хлыстовских сект в разных губерниях России (и даже в одной и той же губернии хлыстовские общины могли достаточно принципиально отличаться друг от друга. Подробнее об этом см. «Хлыстовские общины в Астраханской губернии»), радения были везде, без этой важнейшей практики учение хлыстов невозможно. В то время как отказ от радений, по мнению Никольского (1983), подчёркивает: «их (духоборов – НК) задача не мирное житие и тихая эксплуатация, а наступление и борьба» (стр. 302). На первый взгляд утверждение Никольского кажется спорным – в самом деле, какая связь между отказом от радения и борьбой? Но ведь хлыстовское радение – это не что иное, как способ привлечь Святого Духа, способ, к сожалению, временный и непостоянный, в то время как духоборы и молокане ставили своей целью «создание постоянного царства духа» (Никольский, 1983, стр. 302). А создание нового царства невозможно без борьбы.

Таким образом, с самого начала возникновения новых учений, духоборчества и молоканства, принципиальное их отличие от хлыстовщины было налицо, и от мистической секты произошли секты рационалистические.

Не поладив с Побирохиным, во многом из-за деспотического характера последнего, Уклеин начал самостоятельную проповедь. Вначале его ждала неудача – так же, как и его бывший тесть Побирохин, он был арестован в Тамбове, а его апостолы покинули своего мессию. Освободившись, Уклеин отправился вниз по Волге, извечному, наряду с Доном, символу свободы ссыльных, беглых и прочих пассионариев и фронтирменов.

Уклеин был далеко не первым проповедником на берегах великой русской реки, достаточно вспомнить мощный центр старообрядческой пропаганды Иргиз. В то же время первые неудачи многому научили Уклеина, и его учение ушло от прямого мессианства в сторону идеального, первоначального христианства, не искажённого соборами. Это не значит, что Уклеин отвергал догмат троичности, таинства, посты и обряды. Но монашеству и храмовому культу, со всеми церковными артефактами вроде богатой внешней атрибутики и поклонением мощам, не было места в новом откровении. Ещё более радикальным было отношение к государству и обществу, и здесь

непримиримость молоканства была почти духоборческой. Уклеин провозглашал равенство людей, без чинов и сословий, полный пацифизм, без военной службы и присяги, отказ от богатства и собственности.

По воспоминаниям бывшего евангелического и субботнического начётчика (а впоследствии православного священника) Егора Васильевича Шалаева (1889), «для многих [Уклеин] казался умопомешанным» (стр. 100). Шалаев путешествовал по Тамбовской губернии в 1885 году и общался с сектантами, которые застали своего учителя в живых; по их словам, «многие, считая его за блаженного, поверили и отделились от православной церкви» (Шалаев, 1889, стр. 100).

История астраханских молокан началась в XIX веке. Они вообще были первыми сектантами в губернии, по мнению о. И. Саввинского, летописца Астраханско-Енотаевской епархии. Основатель молоканства Уклеин, побывавший в Астраханской губернии в рамках своего путешествия по Югу России в 70-х годах XVIII века, «самыми привлекательными красками описывал молоканам астраханский край, особенно местности, орошаемые р. Ахтубой, и советовал переселяться сюда для безмятежного жительства. Молокане последовали его совету, и с этого времени молоканские поселения по Ахтубе стали считаться для них обетованной землей, куда стремились они усиленно и впоследствии» (Саввинский, 2002, стр. 253).

Саввинский считал центром молоканства село Пришиб Царёвского уезда, где Уклеин лично побывал и «насаждал первые семена молоканства». Село Пришиб находилось на севере Астраханской губернии (ныне это Волгоградская область), население его в XVIII веке составляли «казаки и беглые люди разных губерний» (Саввинский, 2002, стр. 253), среди которых проповедь Уклеина была более чем успешна. К концу XVIII века молоканство было распространено, помимо Царёвского, в Черноярском уезде губернии и в самой Астрахани.

Как пишет Шалаев (1889), причины быстрого распространения молоканства неизвестны, но сам он считает, что успех сектантского учения во многом зависел от некоего Семёна Слободина, уроженца села Пришиб, отставного рядового, торговца шерстью и молоканского наставника. Будучи, по словам Шалаева, весьма богатым человеком и так же, как и Побирохин, часто разъезжая по делам торговли и принимая других торговцев, он «при всякой свободной минуте навязывал каждому своё лжеучение. И есть основание думать, что на

слушателей Слободин производил большое впечатление» (стр. 100-101).

По мнению Саввинского (2002), основывающемся на донесении астраханского губернатора (судя по времени, это Аршеневский Н.Я., первый гражданский губернатор Астраханской губернии, после упразднения Кавказского наместничества в 1796 г. – НК) министру внутренних дел, молоканство в Астраханской губернии было распространено задолго до официального признания проблемы в конце 90-х гг., как минимум в трёх селах – Солодниках, Светлом Яру и Вязовке (стр. 271). Кроме того, молокане были в Черноярском уезде и в самом губернском городе Астрахани; интересно, что первыми астраханскими сектантами оказались не крестьяне и ловцы, а мастеровые и отставные солдаты. В Астрахани известны были кузнец Василий Старов и садовник Соколов.

Миссионеры вынуждены были признать, что тайное распространение молоканства в губернии поначалу было совершенно не замечено консисторией, вплоть до 1787 года, когда главнокомандующий Кавказской губернией П. Потёмкин отправил к владыке Астраханскому Никифору (Феотоки) «на увещание» каптенармуса пехотного полка Викторова, оказавшегося тайным молоканином. (Кстати, Викторов остался «непреклонен в своём заблуждении» (Саввинский, 2002, стр. 254)). Сколько было в то время молокан в губернии, сведений не сохранилось, да и сомнительно, что они (сведения) вообще существовали. Как искренне пишет Саввинский (2002), «отношение епархиального начальства к молоканству и сектантству вообще открыто устанавливается и точно определяется лишь с начала XIX столетия» (стр. 254).

Годом епархиального интереса Саввинский (2002) определяет 1811, когда, по его мнению, сектанты заявили о себе, а до этого «они жили в скрытности, тайно развиваясь в степных сёлах нынешнего царёвского уезда, центром которых (сёл – НК) был Пришиб. С этого (1811 – НК) года молокане открыто выступили с пропагандой своего лжеучения» (стр. 373). Ответные же действия епархии начались лишь в конце 1840-х годов, когда протоиерей И. Покровский положил начало миссионерским проповедям среди жителей того самого одиозного села Пришиб. Затем в 1849 году в село Михайловское Астраханского уезда, где также было замечено появление молоканства, были специально откомандированы члены Астраханской Духовной консистории протоиерей Ливанов и священник Розанов. Священники, совершавшие пастырские поездки по Царёвскому уезду, также отметили появление молоканства в сёлах Селитренное, Каменный Яр, Солодники и Светлый Яр.

Шалаев (1889) считал астраханское молоканство вариантом уклеинского толка и определял дату появления сектантства в губернии между 1776 и 1779 годами, утверждая, что оно было занесено тамбовскими переселенцами (стр. 100). «Уклеинский толк» – это традиционное, если так можно выразиться, молоканство; регламент повседневной жизни и богослужений в нём был определён самим основателем.

К 1886 году, спустя столетие после появления сектантов, число молокан в губернии, по миссионерским (скорее всего, заниженным) данным, составляло около 6 тысяч человек обоего пола Отчёт Астраханского Кирилло-Мефодиевского Братства, 1876, стр. 38). Что же произошло с самим учением? При этом, по словам протоиерея М. Гусакова (1886), «много сохранилось воззрений Уклеина и много вводилось нового учения» (стр. 195), т.е. образовались разные толки. Гусаков делит их на четыре группы: субботников караимов, субботников талмудистов, воскресенников (уклеинцев) и евангеликов. Другой священник-миссионер, печатавшийся под инициалами Св. Г.В. (1889), вообще не проводит различия между молоканами и жидовствующими в своём обзоре «К истории молоканской (жидовствующей) секты в Астраханской губернии» (стр. 157).

Можно, конечно, объяснить подобное смешение недостаточной образованностью православных миссионеров. В настоящее время нам пока не удалось идентифицировать личность священника, скромно именовавшегося Г.В. (В памятной книге священнослужителей Царевского и Черноярского уездов Астраханской епархии (2016), где приводятся биографии 434 священнослужителей за период с конца XVIII по начало XX века, не нашлось ни одной персоналии с приведёнными инициалами, годы и жизни службы которой могли бы соответствовать указанному году публикации. Известно об этом человеке только то, что он сам написал: он был священником Балыклейской (т.е. Вознесенской церкви села Верхне-Балыклейское) церкви в 50-х годах XIX века). Но вот о протоиерее Михаиле Гусакове известно достаточно, чтобы признать его опытным и знающим миссионером, причём специализацией его были именно молокане. Гусаков стал первым «противомолоканским миссионером» губернии, он был назначен на эту должность, учреждённую специально для него, синодальным указом преосвященного Хрисанфа, епископа Астраханского, в 1877 году (Саввинский, 2002, стр. 401). Его труд «Религиозное учение молокан» был рекомендован Московским и Казанским миссионерскими съездами во все церковные и миссионерские библиотеки и выдержал несколько переизданий. Протоиерей Гусаков был делегатом нескольких всероссийских

миссионерских съездов, а к одному из этих съездов, состоявшемуся в Киеве в 1909 году, готовил статистическую справку по распространению молокан на юге России. Подобного человека трудно заподозрить в некомпетентности.

Таким образом, получается, что на территории Астраханской губернии в XIX веке была окончательно стёрта разница между сектами текста и сектами духа, и они могли перерождаться одна в другую, что мы и видим на примере секты духа молокан, породившей секты текста жидовствующих, караимов-субботников и караимов-талмудистов.

Итак, традиция медленно, но верно переходит в трансгрессию, т.е. «вводилось много нового учения». Другими словами, «следование правилу, или традиции, так же, как и нарушение правила, или трансгрессия, являются делом персонально ответственным» (Олсон, Адоньева, 2016, стр. 17). Здесь под трансгрессией мы понимаем, вслед за Олсон и Адоньевой, пересечение границы мыслимого, разрешённого или освоенного.

Вдали от основы молоканства, как во времени, так и в пространстве, сектанты попадают в тот самый зазор, о котором писал Волков (1998, стр. 156-170), - между набором правил и практическим действием; и любой человек, пытающийся следовать традиции/не следовать традиции/выбирающий для себя традицию, попав в этот зазор, должен пережить «выбор себя» (Кьеркегор).

Список литературы

- Волков, В. В. (1998). Следование правилу как социологическая проблема. *Социологический журнал*, 3 (4), стр. 156-170.
- Клушин, А. А. & Будков И. О. (2016). *Забытые судьбы: памятная книга священнослужителей Царевского и Черноярского уездов Астраханской епархии (в границах Калачевской епархии Волгоградской митрополии): биографический справочник : конец XVIII – начало XX вв.* Волгоград: ООО «Издательство «Станица-2».
- Костомаров, Н. И. (1869) Воспоминания о молоканах. *Отечественные записки*, 3, стр. 59-61.
- Малый энциклопедический словарь: В 4 т. Т. 4* / Репринтное воспроизведение издания Брокгауза-Ефрона (1997). М: ТЕРРА.
- Никольский Н.М. (1983). *История русской церкви*. М: Политиздат.
- Олсон, Л. & Адоньева, С. (2016). *Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины*. М: Новое литературное обозрение.

- Отчет Астраханского Кирилло-Мефодиевского Братства за 1876 г. (1878) *Астраханские епархиальные ведомости*, стр. 38.
- Прот. Гусаков М. (1886). Религиозное учение молокан Царёвского уезда Астраханской губернии. *Астраханские епархиальные ведомости*, 5, стр. 195.
- Рязанский, Л.С. (1892). Краткия историческия сведения о расколе в пределах Астраханского края со времени появления раскола и до половины XVII в. *Астраханские епархиальные ведомости*, 7-9, стр. 154.
- Саввинский, И. (2002). *Очерки истории Астраханской епархии с 1602 по 1902 гг.* Ростов н/Д: Изд-во «Фолиант».
- Св. Г.В. (1889). К истории молоканской (жидовствующей) секты в Астраханской губернии. *Астраханские епархиальные ведомости*, 4, стр. 157.
- Смилянская, Е.Б. (1982). Ересь Д. Тверитинова и московское общество начала XVIII в. *Проблемы истории СССР*. М: Вып. XII.
- Шалаев, Е.В.. (1889). Автобиография. Мои наблюдения за разными сектантами. *Астраханские епархиальные ведомости*, 3, стр. 100.

TRADITION AND TRANSGRESSION OF ASTRAKHAN MOLOKANS, XIX CENTURY

Kanateva, N. S.

DOI: 10.24411/2500-0225-2018-10020

Kanateva Natalia Sergeevna, Astrakhan State University, 414056, Astrakhan, Russia, st. Tatishcheva 20a. E-mail: nessy71@mail.ru

Religious life on the frontier will always be deviant. Immigrants, fugitives or pioneers (in the first sense of the word) face new challenges from nature – hostile, as a rule, – and enter confrontation with the aboriginal population in the circumstances of frontier, border, and bordering areas. First the missionaries come there, then the seekers and the God-fighters, and after that the sects appear. All this is a new level of search for Absolute divine truth, which almost always involves a departure from or distortion of the official religion. Astrakhan province of the XIX century is one of the numerous Russian frontiers. As the Orthodox missionaries of the diocese repeatedly wrote, Astrakhan region was a refuge for schismatics and sectarians, who replenished the Astrakhan Cossacks, were hired for gangs of fishermen on the grassroots fisheries and salt miners on the salt, but most often founded new settlements. The largest sect of the province in the XIX century was Molokans who moved to the lower Volga with the blessing of the founder of the sect Semyon Uklein. The article attempts to trace the

changes in the teaching of Molokans who lived in the Astrakhan province in the XIX century, and to determine how the tradition of their teaching becomes transgression.

Keywords: Frontier, tradition and transgression, sectarianism, Molokans, Khlysts, Duhobors, sects of the text and of the sect of the spirit, the missionaries.

References

- Volkov, V. V. (1998). Rule-following as a sociological problem. *Sociological journal*, 3 (4), pp. 156-170.
- Klushin A. A. & Budkov I. O. (2016). *Forgotten destiny: a book of remembrance of the clergy carevskogo and Chernoyarsky districts of the Astrakhan diocese (within the borders of Kalachevskiy, Volgograd diocese of the Archdiocese): a biographical dictionary : the end of XVIII – beginning of XX centuries*. Volgograd: LLC "Publishing house "Village-2".
- Kostomarov, N. I. (1869) *Memories of Molokans*. Domestic notes, 3, p. 59-61.
- Small encyclopedic dictionary: in 4 vol. 4* / Reprint reproduction of Brockhaus-Efron (1997). M: TERRA.
- Nikolsky, N. Mmm. (1983) *History of the Russian Church*. M: Politized.
- Olson, L. & Adonyeva, S. (2016). *Tradition, transgression, compromise: the Worlds of the Russian village woman*. M: New literary review.
- Report of The Astrakhan Cyril and Methodius Brotherhood for 1876* (1878) Astrakhan diocesan Gazette, p.38.
- Prot. Gusakov M. (1886). Religious doctrine carevskogo County Molokans of Astrakhan province. *Astrakhan diocesan Gazette*, 5, p. 195.
- Ryazan, L. S. (1892). Brief historical information about the split within the Astrakhan region from the time of the split and up to half of the XVII century. *Astrakhan diocesan Gazette*, 7-9. p. 154.
- Savvinsky, I. (2002). *Essays on the history of The Astrakhan diocese from 1602 to 1902*. Rostov n / A: publishing house "Folio".
- SV. G. V. (1889). On the history of the Molokan (liquid) sect in the Astrakhan province. *Astrakhan diocesan Gazette*, 4, p. 157.
- Smilyanskaya, E. (1982). Heresy D. Tveritinov and Moscow society of the beginning of XVIII century. *Problems of history of the USSR*. M: Vol. XII.
- Shalaev, E. V. (1889). Autobiography. My observations of various sectarians. *Astrakhan diocesan Gazette*, 3, p. 100.